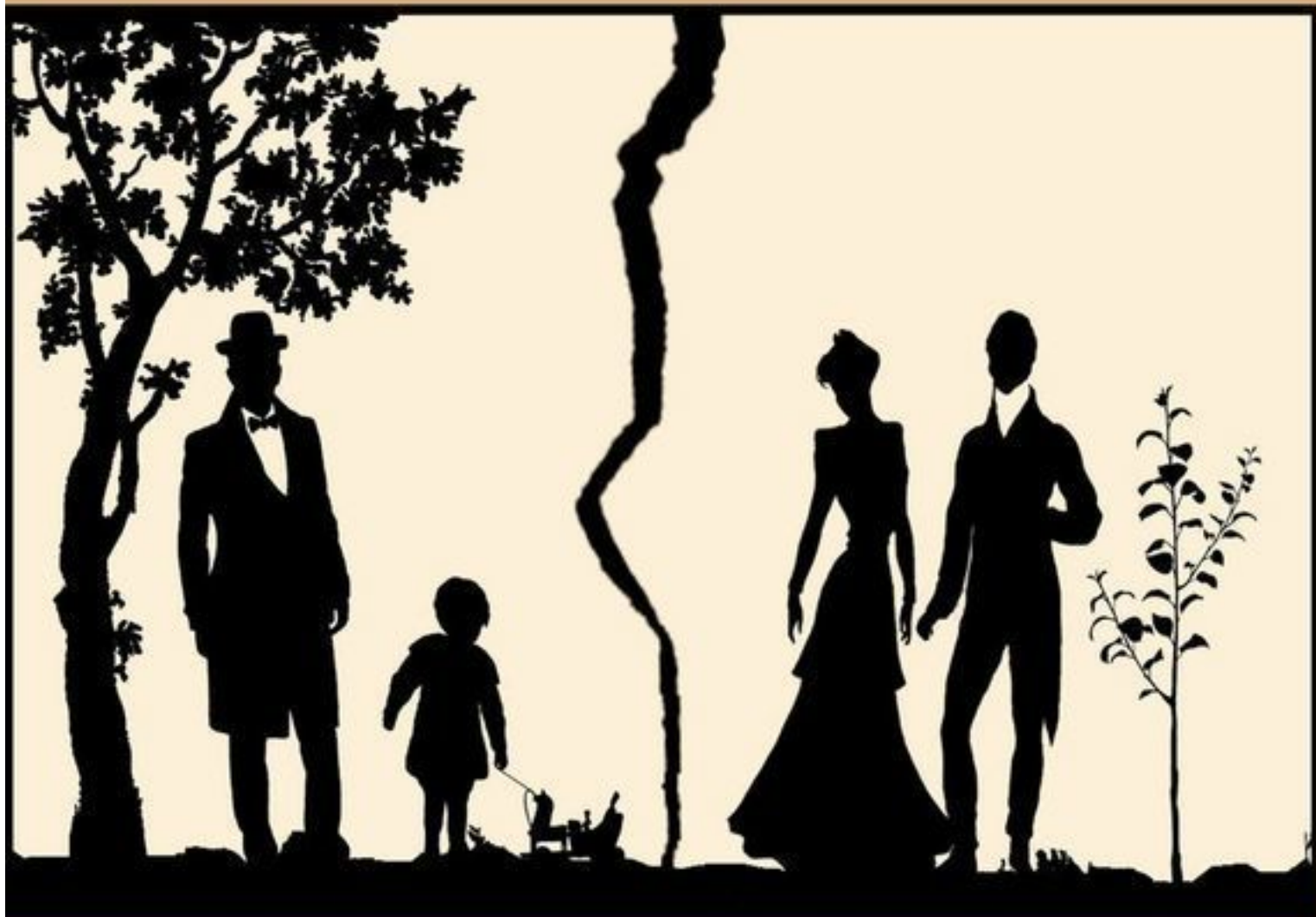

Алина Яловени

Тревожные сны

Алина Яловени
Тревожные сны

«Издательские решения»

Яловени А. А.

Тревожные сны / А. А. Яловени — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834734-4

Девятнадцатый век. Эпоха балов и изящных манер, где за внешним лоском порой скрывались трагедии, за вежливыми улыбками — разрушенные судьбы. Алиса Осоргина рано вышла замуж за человека значительно старше нее. Успешный, на первый взгляд, брак, высокое положение в обществе... Но в жизни Алисы появляется другой мужчина. Предательство, измена... Эта история о двух людях, пытающихся перенести последствия рокового шага. Восстановить прежние отношения труднее, чем найти новую любовь. Но попробовать стоит.

ISBN 978-5-44-834734-4

© Яловени А. А.
© Издательские решения

Содержание

«Здравствуй, Алиса»	6
Нежданная встреча	8
И еще один день	9
Письмо	11
Несколько деликатных вопросов	12
Существуют различные способы прийти к взаимному согласию	15
Любая ошибка имеет последствия	18
Обстоятельства усложняются	21
Потерянность	24
Ночь	28
Воспоминания	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Тревожные сны

Алина Андреевна Яловени

© Алина Андреевна Яловени, 2018

ISBN 978-5-4483-4734-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Роман посвящается моим родителям, верившим в успех произведения, еще даже не прочитав его, помогавшим на всех этапах создания морально, вдохновлявшим, предлагавшим оригинальные и несколько безумные идеи... И просто людям с отличным чувством юмора и гениальным воспитательным талантом.

Моя большая признательность и благодарность редактору сего творения Валерии Харитоновой. Человек с большим чувством альтруизма, внимательный и красноречивый читатель. Спасибо за помощь и поддержку при создании работы!

«Здравствуй, Алиса»

Тысяча восемьсот шестьдесят пятый год. Петербургская осень... Сумрачный вечер в Северной Венеции может вызвать разные чувства. Печаль, задумчивость. Тревогу...

Вечером сыро. Прохладно. Как стремительно переменилась погода...

Карета, запряженная четырьмя гнедыми, медленно ехала по мостовой. В сгущающихся сумерках она не привлекала к себе особого внимания, только стук копыт лошадей говорил о присутствии припозднившегося путника.

Поздно... Слишком поздно. Она никогда не возвращалась домой в такое время. Дама, сидевшая в карете, нервным движением поправила скрывавшую лицо вуаль. Черная ласточка, оказавшаяся взаперти. Она чувствовала себя птицей, посаженной в клетку. Почему же это так сложно? Так неправильно...

Еще час назад забывала обо всем, отдаваясь бесконечному счастью. Не существовало ничего. Ни ее самой, ни людей вокруг, ни опостылевшего дома... Но счастье мимолетно. За краткий миг блаженства приходилось платить бесконечной тревогой и страхом.

Оставалось лишь надеяться, что она не забыла ничего второпях. Последние несколько слов... Самых страстных. Самых нужных.

– Когда мы сможем увидеться?

Она боялась, что сил уйти, оставить его ей просто не хватит...

– Я извещу тебя письмом.

Ноющее чувство внутри. Следующего раза может и не быть. Ей тяжело давались прощания...

Черные тучи застлали небо. Тьма неумолимо сгущалась. Становилось все холоднее... Алиса поежилась, обхватив себя руками, пытаясь хоть немного согреться. Ее била мелкая дрожь. То ли от страха, то ли от холода... Удары копыт о мостовую отдавались в голове гулом, вторя ударам сердца в груди. Ей казалось, что она спит и видит сон, порожденный больным сознанием, когда человек пытается проснуться, но не может; когда страх сковывает движения, липким комом застревает в горле, мешая сделать вдох; когда хочется кричать, а вместо этого беспомощно лежишь, смотря в глаза своему кошмару.

В перчатках жарко... Черная бархотка больно врезается в кожу. Затрудняет дыхание. Неуютно... Быть может, она бы предпочла скорее уже узнать свой приговор. И успокоиться. Нельзя волноваться до такой степени. До тошноты, до головокружения... Сложно даже сидеть на месте, покорно ожидая, пока ее везли туда, куда предпочла бы не возвращаться. Что за ирония!

Тепло объятий, его родные руки... Неприлично, безумно... Она не смогла не ответить, когда уже на улице Тилинг поймал ее за руку, разворачивая к себе, смотря в удивленные, таящие скрытую надежду, просьбу глаза... Целуя сильно, беря ее голову в свои руки. Не важно, что увидят... Сбившаяся маленькая шляпка, едва не упавшая на землю. Выбившиеся из прически пряди. Отвечала отчаянно... Алиса до сих пор чувствовала, как горели ее губы.

Паника... Что ждет ее по возвращении? Если ей все же не повезет? Женщина поежилась. Недолгий разговор, который она выслушает с милой непонимающей улыбкой. Подождать, пока все кончится, кивая, соглашаясь... В конце концов он оставит ее в покое. Так было всегда. Нужно всего лишь пережить, переждать это...

От страха заболел живот... Но ведь судьба будет благосклонна к ней. Он довольно часто задерживался в министерстве, так, быть может, и сегодня... Как глупо, как опрометчиво было забыть о времени! Но ведь тот, кто счастлив, не наблюдает часов.

«Боже, – прошептала Алиса, – помоги мне!» Должен же помочь... Пальцы женщины тербели оборку платья. Она напряженно всматривалась в мелькавшие за окном пейзажи, силясь

определить, сколько еще осталось. Алиса снова представила, как заходит в дом и встречает на пороге мужа. По спине побежали мурашки. Нет, она не думала, что Сергей Владимирович поймет все, не думала, что ей что-либо угрожает. Но почему тогда она готова провалиться сквозь землю, лишь бы не встречаться взглядом с его пронизательными серыми глазами?

Через полчаса карета остановилась у дома, обнесенного невысоким забором. Извозчик, чертыхнувшись, спрыгнул с козел.

– Быстро, однако, теперь темнеет, – пробурчал себе под нос... Затем, помедлив, открыл дверцу кареты. Пассажирка аккуратно спустила на землю ножку, обутую в изящный сапожок. Вуаль закрывала ее лицо полностью, так что ни днем, ни тем более в сумерках рассмотреть ее не представлялось возможным. Алиса протянула мужчине руку, облаченную в черную перчатку, и изящным движением положила в благоговейно протянутую ладонь золотой. Лицо извозчика просияло. Бормоча слова благодарности, он попятился, затем ловко вскочил на козлы и покатил вперед по мостовой. Дама осталась одна в сгущающейся тьме. Она долго не решалась идти, видимо, обдумывая что-то. Но затем, приняв решение, двинулась по направлению к особняку. «Только бы его не было дома, – крутилось у нее в голове, – только бы его не было дома!»

Дойдя до порога, Алиса потянула на себя резную ручку. Дверь поддавалась на удивление легко, без привычного скрипа. В прихожей царил полумрак. Женщина быстро скинула пальто, стянула перчатки и, ободренная, уже хотела было быстрее подняться наверх, как услышала у себя за спиной вкрадчивый голос:

– Здравствуй, Алиса.

Нежданная встреча

Алиса обернулась. Ладони похолодели, в горле резко пересохло, сердце пропустило удар. «Он вернулся...» Возле лестницы, облокотившись о перила, стоял Сергей Владимирович Осоргин и спокойно смотрел на растерявшуюся жену. Проседь в темных волосах в тусклом свете свечей была почти незаметна. Расслабленная поза, сложенные на груди руки...

Впрочем, Алиса постаралась быстрее скрыть свое смятение и приветливо улыбнулась, что далось ей с трудом. Было несложно догадаться, что супруг своим присутствием нарушил ее планы.

– Здравствуйте, Сергей Владимирович, – ее собственный голос ей показался совсем чужим.

– Вы сегодня поздно, – продолжил он, не отводя от жены взгляда. – Могу я поинтересоваться, где провела весь день моя супруга?

У женщины внутри все сжалось. Да, она ждала этого вопроса, готовилась к нему... но его слова прозвучали подобно грому среди ясного неба.

– Навещала княгиню Жюльен. Она жаловалась на жуткую скуку... Я надеялась, что мое общество сможет развлечь ее, – произнесла, стараясь сохранить непринужденный вид.

– Что ж, это чудно. Но не думаю, что княгиня была бы расстроена, если бы вам не пришлось возвращаться домой в потемках: это небезопасно, – он немного помедлил и добавил, понизив голос, не отводя от нее пронизывающего взгляда, – И неосмотрительно.

Алиса подняла голову. В полумраке прихожей особо выделялось ее бледное лицо. Пальцами одной руки она сжимала кисть другой, растирая ее рассеянными движениями. Видно было, что она изрядно волнуется, хоть и пытается скрыть это.

– Я совершенно забылась. Простите, если заставила вас тревожиться... – она все-таки отвела глаза, не выдержав его испытующего взора. – Что ж, я, наверное, поднимусь наверх. Как там Федя? Он, кажется, неважно себя чувствовал с утра. Мне нужно его увидеть!

С этими словами она поспешила удалиться, обойдя мужа и постаравшись сохранить как можно более непринужденный вид.

Осоргин лишь вскинул бровь, провожая жену взглядом.

– Иди, Алиса. Иди...

И еще один день

Тихий звон посуды, расставляемой на подносе. Темный чай, осторожно наливаемый в фарфоровую чашку.

– Благодарю, – машинально, несколько рассеянно. Полноватая женщина в черном платье и переднике от столь обычной дани вежливости совершенно разомлела.

«Какой голос...»

Покосилась на сидящую с другой стороны стола хозяйку. Нехотя, без аппетита Алиса ворошила вилкой лежавший на тарелке омлет. В последнее время есть ей совершенно не хотелось. Похудела едва заметно. Осунулась...

«Вечно ей все да не так! Ничем не угодишь!»

Белая чашка с темными разводами внутри. Размеренный стук ложки о ее стенки... Алиса смотрела, как кружатся черные чайники на дне, следуя за движением прибора. Еще одно утро.

Сергей Владимирович сидел напротив, погруженный в чтение газеты. Какой интерес мог он находить в новостях политики? Вопрос, конечно, глупый, если твой муж чиновник. Она никогда этого не понимала...

Серая блестящая муха, проползшая по скатерти с намерением забраться на сахарницу. Марфуша подняла руку, намереваясь обеспечить насекомому вечный покой. Взмах омерзительных маленьких крылышек, и нежеланный гость чудом избежал неминуемой гибели. Недовольство, сожаление...

«Никакого от них житья», – служанка разочарованно опустила занесенную было ладонь.

Салфетка упала со скатерти на колени Алисы. Подняла невнимательно, кладя на место.

Шелест переворачиваемой страницы... Негромким заинтересованным голосом:

– На Западе участились расправы членов организации Куклус-Клан над мирным населением...

Отвлечшись от созерцания кругов на мутных остатках чая:

– Почему Куклус-Клан? – она прослушала половину. Возможно, слово показалось Алисе необычным...

– Что вы имеете в виду? – Осоргин оторвался от газеты.

– Почему она называется подобным образом? Эта организация...

Сергей Владимирович чуть отклонил голову назад, не замечая трепетный взгляд служанки.

– Кажется, они позаимствовали свое название от некоего студенческого ордена, с коим у них схожи обряды инициации. Не могу быть уверен... Достаточно новое явление, хотя и вполне ожидаемое.

– Неужели... – молодая женщина медленно сложила салфетку пополам.

– К слову, завтра я отправляюсь в Москву. Пока не забыл сообщить тебе.

Повернув голову, Марфа теперь с большим вниманием смотрела на хозяйку. Секунда... Алиса замерла. Оставила в покое салфетку. Напряжение...

– Уезжаете? Завтра? Но, кажется, мы собирались в театр...

Осоргин, не отрываясь от чтения, нахмурился едва заметно.

– На следующей неделе в таком случае. Мне сообщили совсем недавно. У министра, к несчастью, нет возможности приехать в Петербург.

– Что же... А если у вас возникнет необходимость снова уехать?

– Значит, еще через неделю, – спокойно, не обращая внимания на ее иронию.

Пальцы, скользнувшие по столовому прибору. Слишком уж нетерпеливо...

Марфа сделала вид совершенного безразличия. Волнение Алисы Романовны от слов мужа не осталось незамеченным ею...

Через несколько минут Алиса сложила приборы на фарфоровой поверхности тарелки и, поднявшись, собралась было уйти... Неровный шаг. Неожиданно опрокинутая солонка. Звон. Рассыпавшиеся по столу белые крупинки соли... Марфа, до сего момента забиравшая со стола поднос, быстро поставила его на место и бросилась к хозяйке. Убрать несложно. Предварительно начертив на соляной горке крестик... Алиса застыла на месте. Ничего ведь не случилось... Надо просто идти...

Украдкой взглянула на мужа. Встретилась с ним взглядом... Осоргин молча наблюдал за произошедшим. Тень в глазах... Когда Алиса, извинившись, прошла мимо него, он не повернул к ней головы. Держа раскрытую газету в руках, задумчиво смотря перед собой...

– Плохая примета, барин, – Марфа старательно убирала со стола остатки соли. – Дурная... К ссоре, люди говорят. Нехорошо.

Сергей Владимирович скользнул взглядом по лежавшим на столе осколкам. Думая о чем-то своем...

– Определенно.

Письмо

«Мой дорогой Борис.

Пишу к тебе в полном смятении. Душа моя стремится к тебе, в то время как я вынуждена быть вдали от тебя. Жизнь моя проходит в счете минут до нашей встречи. О, как невыносимо страдаю я, не видя твоих глаз, не слыша твоего голоса! Родной дом совершенно не мил мне, если тебя нет рядом. Время, проведенное здесь, кажется мне вечностью. Безжалостной, неумолимой... За те редкие мгновения, проведенные вместе, я готова отдать годы своей жизни. Возможно, ты сочтешь, что я повредила рассудком, раз пишу тебе такое. Да, наверное, оно так и есть, если я и дня прожить не могу, чтобы не вспомнить о тебе, мой дорогой друг...

Знаешь, я изменилась совершенно. Теперь всего боюсь: каждый косой взгляд, каждую усмешку или слово беру на свой счет. Мне кажется, будто все знают о нашей связи. Боже, как мне страшно! Мне кажется, что и муж мой теперь знает о нас. Боюсь и подумать, что будет, если все откроется. Но мнение общества не имеет для меня значения, пока я знаю, что любима тобой, пока моя душа трепещет при мысли о том, что смогу увидеть тебя. Ничто в целом свете не сможет заставить меня разлюбить; ты знаешь, что пока мое сердце бьется, оно будет биться для тебя.

Завтра муж уезжает в Москву по каким-то срочным делам. Не знаю, что за нужда ему покидать Петербург, но в этом наше благословение. Препятствий для наших свиданий не будет более. Если Ваша душа, подобно моей, горит в ожидании встречи, то Бог дает нам, грешникам, шанс. Это дозволенное небом счастье – словно вздох, пусть он и будет недолгим.

Молю Бога, чтобы он не оставил нас в эту минуту. Он свидетель нашей любви, и я верю в его безграничную милость. Надеюсь в скорости увидеть тебя, Борис. Прощаюсь с тобой, бесконечно любя.

Твоя Алиса»

Пробежав взглядом последние строки, Сергей Владимирович поднял глаза на жену. Она сидела, мертвенно бледная, у окна, смотря в пустоту. Ее била дрожь. Она не смела взглянуть на мужа, стоявшего перед ней и державшего письмо, написанное ее рукой. В комнате повисла мертвая тишина, не нарушаемая даже тиканьем настенных часов, стрелки которых показывали полночь, внезапно остановив свой ход.

В одну секунду все страхи сбылись. И хотелось бы закричать, вскочить с места и бежать, бежать... Или же, чтобы все оказалось дурным сном, после которого человек просыпается в холодном поту, но все же через минуту осознает, что то была лишь злая шутка разыгравшегося воображения. Потерять сознание... Но спасительный обморок, как на зло, не приходил к ней в эту минуту. Во всей своей полноте она теперь ощущала, как дверца ловушки, в которую она сама загнала себя, захлопывается. Пути назад не было. Осоргин все знал.

Несколько деликатных вопросов

За окном сгущались тучи. Казалось, небо готово было разразиться плачем, но в пронизывающей тишине ни одна дождевая капля не упала в дорожную пыль. Занимался ветер, сначала лишь тревожа тронутые цветом листья. Теперь уже верхушки деревьев шелестели под его напором. Горожане закрывали окна, предчувствуя надвигающуюся бурю. Улица опустела. Раскаты грома, раздавшиеся где-то в черных клубах туч...

Потрясение. Даже теперь это было бы наиболее подходящим определением. Сперва все переносится легче. Больно станет потом...

Напряженный лоб. Скорбно сжатые губы. Взгляд в упор. Пронзительно... Так смотрят на человека, ставшего предметом огромных вложений и растратившего все до копейки. Только вот блеск глаз... Блеск, который Алиса бы никогда не смогла увидеть прежде. Не яростный. Не решительный. Словно от сильного удара... Слишком много, чтобы назвать укором. Слишком мало, чтобы назвать слабостью. Столько чувств, что никогда не рассмотришь за постоянной сдержанностью. И только один вопрос.

«Зачем так...»

– Что ж... Попробуйте каким-нибудь образом это объяснить – в голосе Осоргина послышались такие нотки, что Алиса невольно подняла голову. И застыла. Потому что на нее смотрел не ее муж, с которым она провела пять лет своей насыщенной событиями жизни, а совершенно другой человек. Далекый, чужой... В лице Сергея Владимировича не было ничего, в чем женщина могла бы найти поддержку. Ни жалости, ни сострадания. Ни даже насмешки. Он был холоден и чужд.

– Кажется, я попросил вас объясниться, – его голос понизился, а пальцы сжали бумагу так, что она мгновенно потеряла свой красивый гладкий вид и теперь сгодилась бы разве что промокашкой.

Алиса молчала. Слова комом застыли у нее в горле. Если бы она обратила свое внимание на мужа несколькими минутами раньше, то обнаружила бы, что этот человек состоит вовсе не из железа или камня, как могло бы показаться на первый взгляд. Сергей Владимирович, как ни властен был над своими чувствами, все же не смог скрыть растерянности. Обман и предательство... Предательство не бездумное, не внезапное. Продуманное, решительное. Повторяющееся раз за разом... То, что может выбить из колеи любого. Если и есть исключения, то этим людям можно только позавидовать.

Почему? Когда это началось? Кто виноват в этом? Чем терзать себя, лучше задать эти вопросы тому, над кем будет вершиться правосудие.

– Вы молчите, сударыня? – он продолжил сжимать бумагу в ладони, – Быть может, я ошибся? Быть может, это всего лишь... досадное недоразумение?

Алиса безмолвно воззрилась на мужчину. Она была бледна и являла собой жалкое зрелище, только не было рядом ни одной души, способной проникнуться к ней состраданием в этот момент. Несколько секунд молчания... Что могла она ответить на это столь неожиданное, заставшее ее врасплох обвинение? Ее карты были раскрыты, и теперь приходилось играть с тем, что было на руках, или сдать на милость победителя.

Выпрямилась, постаравшись отогнать от себя внезапно охвативший ее трепет, посмотрела Сергею Владимировичу прямо в глаза и тихо, стараясь придать дрогнувшему голосу твердость, произнесла:

– В этом нет ошибки. Против вашего слова мне нечего возразить. Можете радоваться: вы уличили меня во лжи, и эту ложь я готова признать. Каких оправданий вы от меня ждете? Письмо в вашем распоряжении, доказательства моей вины подписаны моей же рукой.

Горькая усмешка. Первые капли дождя попали на оконное стекло. Медленно стекая вниз, они превращались в грязноватые лужицы, разливавшиеся по подоконнику. Алиса закрыла лицо руками.

– Алиса, – Сергей Владимирович прикрыл глаза, чуть наклонил голову и потер переносицу, – возможно, я совершил большую ошибку. Но все же не могу понять: какой повод дал я твоему поступку?

Негромко и обманчиво мягко... Могло показаться, что все кончится несколькими фразами. Все обойдется... Если бы только знать, что эта чрезмерная мягкость – всего лишь способ успокоить себя, сохранить самообладание, у нее было бы гораздо больше причин для паники...

Женщина отняла ладони от лица и посмотрела на мужа прямо.

– Вы спрашиваете у меня повод? Что ж... Раз вы считаете, что у истинного чувства должны быть причины, извольте, – ее глаза загорелись неожиданным блеском, а слова, произносимые ею, зазвучали громче – Наш брак, если мне не изменяет память, длится уже пять долгих лет. Пять лет, как я ваша жена, а вы мой муж. Счастливый брак. Такой, о каком мечтают многие матери для своих подросших дочерей. Что такое личное счастье в сравнении с положением в обществе? Блажь... Мечты юных невест. Брак может сделать из молоденькой дурочки почтенную даму. Может научить улыбаться тем, от одного вида которых становится дурно, с интересом говорить о вещах, нагоняющих смертную тоску, и играть роль примерной супруги. Но он не может заставить отказаться от желаний и попыток найти то, о чем мечтала в прошлом маленькая девочка, а теперь уважаемая леди, – она в волнении потерла ладонями виски, отвернувшись от Сергея Владимировича, и добавила уже тише:

– А я устала, устала от этого...

– Устали? – в словах Осоргина звучала неприкрытая ирония. – Действительно, ваш труд, наверное, непомерно утомляет. Я не хочу вдаваться в подробности и вести спор. Но меня искренне удивляет убежденность некоторых людей в их особенности и непогрешимости. Хотя они, возможно, счастливейшие из всех живущих на земле, потому что им не приходится задумываться о том, что тревожит других и что они чувствуют. Когда я строил планы по организации своей службы, воспитанию нашего сына, а также поддержанию положения в обществе, то наивно полагал, что моя забота о благе семьи все-таки имеет хоть какое-то значение. И видимо, вся та деятельность, на которую потрачено было столько времени, не нашла понимания у людей, для поддержания достойной жизни которых велась. Но на усталость я не жалуясь. Потому что служебные обязанности и дела семьи, вероятно, не намного утомительнее, чем роль примерной супруги.

Алиса развернулась лицом к мужу. Щеки ее пылали, а в глазах сохранялся все тот же нездоровый блеск.

– Как вы правы. И мне должно быть стыдно за мои слова. Ведь вы столько времени посвящаете заботе о нас, что даже не появляетесь дома. Иногда мне на ум приходит сравнение с той жизнью, когда я еще была Алисой Подольской. Знаете, разница незначительна. За исключением того, что теперь я знаю цену браку. Но все же удивительно, что вы наконец решили поинтересоваться мнением своей жены. Кажется, такое участие раньше вам было несвойственно. Думать лишь о своем положении – вот то единственное, что волнует вас! Ничего более. Не нужно называть это заботой.

Он не услышит оправданий и извинений. Она сказала то, что хотела.

Сделать большее. Уколоть. Она всего лишь дала ответ на вопрос. Не обращая внимания и на то, как изменилось выражение лица мужчины. Холодок... Каждое слово – лишь очередной ржавый гвоздь, забиваемый в крышку ее гроба. И когда он окажется в любезно вырытой ею яме – вопрос нескольких слов. Он сказал объясниться. Но объяснений было не нужно.

– Сударыня, – несмотря на гневную речь супруги, Осоргин остался на удивление спокойным, – да будет вам известно, что, к сожалению, человек вместе с жизнью не наделяется

безграничными средствами для своего безбедного существования. Ему дается лишь возможность для приобретения этих средств. Остальная же забота целиком ложится на наши плечи. Поэтому ваши заявления о том, что моя служба не должна иметь первостепенного значения, лишены оснований. Кажется, все это время повода жаловаться на материальное положение я вам не давал.

– А вы спросили, нужно ли мне это? – она приблизилась к нему на шаг.

– Могу предположить, что да, если даже ваш любовник адъютант, а не конюх.

Краска, прилившая к ее щекам. Она задохнулась от подобной наглости. Не удивилась даже тому, каким образом ему стала известна личность того, о ком шла речь в ее письме.

– Я всегда была виновата перед вами! Как легко каждый раз указывать на это... Кто дал вам право решать мою судьбу? – казалось, она готова была в любой момент сорваться на безрассудный, бессмысленный крик. Не пытаюсь уже подбирать слова...

– К сожалению, существующая между нами связь создает необходимость в определенном роде образе действий, и указывать на то, что в вашем поведении является недостойным и недопустимым – моя неотъемлемая обязанность, – казалось, его терпение готово было иссякнуть в любую минуту. – А прав на вас у меня больше, чем у кого бы то ни было.

Ужас, овладевший ею в эту секунду от его холодных слов...

– Какой смысл состоит в вашей роли в таком случае, если все, что вы считаете нужным делать – это вести праздный образ жизни? Вы не можете предложить ничего другого, отличающегося от того, что могу предложить вам я. О природе своих чувств, «высоком» и «прекрасном» любят думать те, кто имеет возможность смотреть в потолок, рассуждая о своей роли в жизни. У меня такой возможности нет. И вас я бы не считал нужным упрекать ни в этой странной склонности, ни в бездействии, ни в совершенно с вашей стороны естественном обыкновении ни в чем не испытывать нужды, всего лишь сменив дом родителей на дом супруга. Многие считают это для себя приемлемым и крайне удобным.

– Я не понимаю... Не понимаю, зачем это... – устало и нетерпеливо.

Она очень плохо изображала дуру.

– Вы от меня зависите. Это вас не смущает? – Сергей Владимирович отбросил смятую бумагу в сторону. – Быть может, у вас не достает совести считать сложившееся положение недопустимым и оскорбительным, но в чем в таком случае состоит различие между вами и дамой полусвета? – смотря в ее широко раскрытые глаза. Повторяя ее же слова:

– «Разница незначительна»? Зачем же, если вам не хватает впечатлений, в таком случае обходиться одним любовником? Заведите еще кого-нибудь. Так ведь, наверное, даже интереснее...

Она вспыхнула. Осоргин не успел осознать, что произошло, когда рука жены оказалась в опасной близости от его лица, а он машинально перехватил ее запястье, сжав его несильно, но достаточно крепко для того, чтобы ладонь его супруги остановила свое движение. Такой реакции от него Алиса не ожидала и теперь смотрела в его глаза с удивлением. Она часто дышала, и ее грудь красиво вздымалась в достаточно откровенном декольте.

– Вы забываетесь, – угрожающе произнес Осоргин полупшепотом.

– Не вам судить меня! – Алиса сделала попытку отстраниться, но он крепче сжал ее запястье. – Я буду поступать только так, как сама сочту для себя нужным. Вы можете превратить мою жизнь в ее жалкое подобие, но вы не заставите меня отказаться от любви. Это то, что не сможете отнять ни вы, ни кто-либо еще. Пустите меня! – она дернулась, но, поняв безрезультатность своих действий, неожиданно прекратила попытки освободить руку и, смотря Сергею Владимировичу прямо в глаза, сказала дрожащим от гнева голосом: – Хотя вы, наверное, понятия не имеете, о чем я говорю. Вам это чувство незнакомо...

Существуют различные способы прийти к взаимному согласию

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. И тут Алиса поняла, что последние слова, сказанные в запале, были лишними. Прежнее хладнокровие оставило Сергея Владимировича. Алиса переступила черту. Наверное, новость об измене жены и ее дальнейшие обвинения ожидаемо могут вызвать ответную реакцию в виде гнева, ярости или желания наказать человека, осмелившегося на подобное. Но именно последние слова нарушили хрупкое равновесие, державшееся между супругами. Ее несдержанность... Алиса почувствовала, как прежняя уверенность начала стремительно таять под взглядом мужа, не предвещавшим для нее ничего хорошего. Чувство окрыленности от собственной смелости уступило место нарастающему страху, и играющие в глазах Осоргина огоньки только усиливали его.

Она начала вырываться. Своей хрупкой ладонью уперлась в его грудь, пытаясь оттолкнуть. Неожиданно муж одной рукой обнял ее за талию, другой притягивая ближе к себе. Алиса задохнулась и приоткрыла рот, намереваясь выразить протест. Взгляд Сергея Владимировича скользнул снизу вверх до ее губ, словно бы вбирая ее всю. Когда он снова посмотрел ей в глаза, у Алисы перехватило дыхание. Жарко... Забывая на секунду о том, из-за чего все произошло... Прекращая попытки вырваться.

Сергей Владимирович, воспользовавшись моментом, толкнул ее так, что Алиса, сделав несколько шагов назад и встретив препятствие в виде резного бортика кровати, потеряла равновесие и упала на простыню. Он навис над ней, и женщина почувствовала, как сбивается ее собственное дыхание. Она все еще пребывала в каком-то странном состоянии, вызванном неожиданностью происходящего. Впервые, быть может, сказав столь много, безоглядно и резко, она испугалась. Алиса смотрела на все как будто бы со стороны и не могла ничего предпринять для своего освобождения. Даже когда ее нетерпеливо и твердо подтащили к середине кровати. Взгляд Осоргина будто гипнотизировал, подчиняя ее хрупкое сознание своей воле. И оставалось только лежать и чувствовать, как его руки расправляются с завязками на ее платье, нервно развязывая их, а те, что не поддавались, разрывая несколькими сильными движениями.

Но странное оцепенение спало, когда Сергей Владимирович, расправившись с шелковыми шнурками корсета, потянул его вниз за край выреза на ее груди. Алиса вскрикнула и, не помня себя, попыталась вывернуться из-под мужчины. Резким движением она перевернулась на живот и, прикладывая все возможные усилия, постаралась отползти в сторону, путаясь в ворохе нижних юбок, хватаясь за простыню и превращая аккуратное убранство постели в полнейшее безобразие. Но поняла всю бесполезность своих действий, когда рука мужа неожиданно с силой придавила ее к кровати. Женщина уткнулась лицом в почему-то пахнущую древесной стружкой ткань одеяла.

Она ахнула, когда он неожиданно перевернул ее на спину, ложась на нее сверху и пресекая все попытки Алисы к бегству. Одним быстрым движением Осоргин избавил ее от корсета, который, не выдержав подобного обращения, порвался в нескольких местах, и от которого откололась и упала на пол перламутровая брошь в виде флокса, скреплявшая ткань на груди. Алиса вздрогнула, почувствовав его влажные ладони, и попыталась хоть как-то воспротивиться невольно охватившему ее трепету.

Она закричала. От невозможности более переносить это напряжение, от унительности ее теперешнего положения, от неправильности происходящего. Мужчина заглушил ее отчаяние, целуя исступленно, быстро... Ощущение его горячих губ на своих было невыносимо... Невыносимо, потому что это был не тот человек, которого выбрало ее сердце, и потому, что

ей все же нравилось это ощущение. Невыносимо, потому что он имел права требовать того, что делал с ней теперь, и потому что он делал это, зная о ее отношении к нему. Невыносимо, потому что она бы не смогла остаться безучастной... Невыносимо, потому что вместо родных глаз цвета июньского неба она видела свое отражение в других глазах цвета серых осенних облаков.

Бесполезно? Бессмысленно? Люди часто совершают бессмысленные поступки.

Ладонь Осоргина заскользила по ее обнаженному бедру. Алиса закусил губу, отчаянно ища глазами хоть что-нибудь, способное отвлечь от пытки, которой ее подвергали. Но взгляд не встречал ничего, кроме полого темно-оливкового оттенка, а вспыхнувший в голове лучезарный образ Бориса Тилинга не умалил постыдных мыслей, возникнувших в ответ на действия супруга. Не умалил реакции тела...

Сергей Владимирович обхватил рукой ее тонкую талию. Алиса извернулась, но его пальцы властно сжали ее подбородок, заставляя не отводить взгляд. Сколько эти глаза ему лгали... Она смотрела на него, дыша тяжело и часто, в то время как ее ладонь сжала запястье мужа, и Алиса с силой, неожиданной для хрупкой женщины, попыталась оттолкнуть его. Битва двух стихий, в которой никто не собирался уступать... Осоргин резко притянул жену за талию к себе и, придавив ее спиной к шелковым простыням, вошел в ее напряженное, разгоряченное долгой борьбой тело. Ее крик... Громкий, отчаянный, но вместе с тем до крайней степени развратный, стал словно бы предвестником к начавшемуся за окном хаосу. Лицо, освещенное вспыхнувшей на краткий миг молнией. Полуопущенные веки, закушенная губа и разметавшиеся по подушке каштановые локоны... Грудь, вздымающаяся в такт частому дыханию. Кровь, бегущая по венам, закипала и заставляла ее умирать от невыносимого жара. Алисе было невозможно, мучительно и желанно чувствовать его движения внутри себя. И в ее страданиях сейчас был виноват только один человек...

Слышать ее крики. Гнев. Желание... За окном меньший ад, нежели внутри. Если бы ураган можно было впустить... Холодный ветер. Капли, которые нужно было чувствовать на теле. Слишком жарко...

Живые чувства, убивавшие своей откровенностью. Мрачные. Темные. Отвратительные.

Хотела прокричать, сказать, что никогда больше не позволит с собой подобного, сама не станет... Бессвязные, невнятные слова, срываемые с губ. Не имела значения ситуация в целом, когда между ними не осталось уже ничего. Только ярость. Только отчаяние. Нашедшие теперь свой выход.

Сорочка под корсетом, закрывавшая плечи. Шелк рвется нелегко. Но все же рвется. Особенно, если очень захотеть.

Податься навстречу. Чуть-чуть... Совсем немного... Немного – и этого будет достаточно. Она металась по подушке. Кусая губы. Пытаясь молчать. Пытаясь остановиться.

Хотела по привычке закинуть сверху ноги, прижать к себе... Расцарапать, заставить испытывать боль... Как проклинала она этот момент...

Еще один резкий толчок. Алиса не могла больше выносить эту пытку. Ее пальцы сжимали простыни, на которых Осоргин терзал ее не только физически, но и принуждая ее против воли желать этого. Щекочущее ощущение. И она знала, что за этим последует. Что-то, поднимающееся изнутри... Ее отражение, потерявшееся в тысяче зеркал. Как она потеряла себя. Как терялась теперь между острыми, неровными, подобно граням разбитого стекла, ощущениями и осознанием того, что ее волю просто-напросто ломали...

Губы мужчины переместились на ее грудь, даря жадные, быстрые прикосновения, оставляя следы на нежной коже. Шумный вздох. Она видит стальные глаза прямо перед собой. Снова его рука на ее подбородке, и он страстно впивается в губы женщины. Осознание того, что она отвечает, приоткрывая чувственный рот и позволяя ему беспрепятственно делать то, что он пожелает, опьяняло. Молния... Раскат грома. Сергей Владимирович резко отстраняется.

Кажется, впервые за всю ночь в глазах Алисы мелькает озорной огонек, а на лице появляется ухмылка. Привкус крови и запах меди... Ее маленькая месть. Но тут же пришлось раскаяться в содеянном, потому что следующими движениями он перестал жалеть Алису вовсе.

В голове помутилось. Она уже не различала, что происходило в комнате, а что было порождением ее воспаленного сознания, не слышала и шума ливня, и отчаянно колотившихся о стену и крышу дождевых капель. Ее ногти впились в руки Сергея Владимировича, сдирая кожу даже через ткань рубашки, оставляя царапины, ссадины.

Пронизывающее, заставляющее забыть обо всем ощущение. У нее дрожали ноги. Это можно было почувствовать даже так... В этом запале было уже все равно, что могло бы волновать каждого из них. Осоргин сильно сжал ее тело в своих руках.

Безумие... Ей кажется, что еще чуть-чуть, и рассудок окончательно изменит ей. Толкнули в горячую воду... Без разрешения, без спроса. Волны, которые она бы не смогла, не захотела остановить. Выбитая из камня искра, распалившая, обернувшая тепло в жар... Обжигающий... Не зависящий ни от воли, ни от желаний.

Алиса снова прогибается под телом мужчины и словно во сне слышит свой крик. Сдавленный. Ненарочный... Прокатывающийся по горлу, неприятно садня после. Уже не чувствует, как ладонь Осоргина скользит по ее спине, поддерживая, будто оберегая от падения в разверзнувшуюся бездну. Алиса сдается на его милость. Сознание уступает свое место велениям тела. Она совершенно безвольно тонет в его объятии.

Глухой стон, и мужчина опустил на нее, уткнувшись лицом в ее густые волосы... Удовольствие с запахом озона от наэлектризованного воздуха. С привкусом горечи... Ветер стих, и дождь не нарушал более воцарившуюся тишину своим стуком. Мокрые дорожки на стекле напоминали о случившемся безумстве природной стихии. С каким-то отсутствующим выражением Алиса смотрела, как капли воды, сползая вниз, встречаясь, сливаются воедино, затем снова разделяясь и продолжая свой путь. Тепло ладони мужа, лежавшей на талии женщины, не приносило ожидаемого спокойствия. Ей овладела какая-то непонятная апатия.

Сергей Владимирович рассеянно сжал в своей руке ее хрупкие пальцы. Она лежала к нему спиной, и он мог чувствовать только, как неровно было ее дыхание. Осоргин провел рукой по красивым темным волосам Алисы и услышал тихое: «Сергей Владимирович... уйди, пожалуйста...». Она произнесла это едва слышно. А потом почти что одними губами повторила: «Пожалуйста...».

Она почувствовала неожиданный холод, когда он оставил ее. Услышала неровные шаги и скрип открываемой двери. Совсем одна...

Приподняться почти бессознательно, чтобы стянуть то, что осталось от платья. Нелепо... Хотелось хоть чем-то укрыться, но сил уже вовсе не осталось, поэтому Алиса, окинув усталым взглядом кровать и не найдя никакой возможности даже двинуться, быстро забылась таким желанным для нее сном, обещавшим избавление от стремительного потока невеселых мыслей, а события прошедшего вечера растворились в ночном тумане...

Любая ошибка имеет последствия

Алиса проснулась от холода. Было довольно рано, и утренний мороз проник через неплотно закрытое окно в комнату. Осень еще не утвердила свои права во всей полноте. Шли первые числа сентября, поэтому камин не затапливали. Но холод все же был весьма ощутим. Алиса поежилась... Она не до конца очнулась ото сна, поэтому не сразу осознала, что на ней нет даже ночной рубашки. Чулок, соскользнувший до щиколотки. Запутавшиеся в волосах заколки... Как неуместно выглядело это теперь.

Неожиданно нахлынувшие воспоминания о прошедшей ночи заставили ее щеки покрыться румянцем. Алиса, кое-как выпутавшись из смятой простыни, попыталась встать с кровати и ахнула, потому что все тело нещадно болело. Ноющее, пренеприятное чувство... Оно еще не раз напомнит о себе в течение дня. Впрочем, это не помешало женщине, хоть и осторожно, чуть было не споткнувшись о валявшееся в ногах платье, но все же дойти до небольшого пуфика возле зеркала, укрытого сверху шелковым халатом. Восточные мотивы... Накинув его себе на плечи, Алиса подумала, что согревает он все-таки несильно и следует приказать затопить камин. Осень приготовила неприятный сюрприз, но так словно лишний раз напомнила, что она капризная дама и настроение у нее переменчиво.

Женщина стояла у окна, смотря на серые очертания домов, тонувших в утреннем тумане. Все было каким-то мертвенно-застывшим. Зловещим... Или Алисе это всего лишь казалось? Она провела тонкими пальцами по стеклу. Холодное и, как ни странно, удивительно чистое, прозрачное. Ночной дождь смыл с него всю пыль, и теперь могло создаться впечатление, будто стекла и вовсе не было. Но иллюзия рассеивалась, стоило только пальцам прикоснуться к нему и ощутить предательский мороз.

Алиса усмехнулась про себя, подумав о том, как же это стекло напоминает брак: кажется, что это всего лишь иллюзия, и человек по-прежнему свободен в мыслях. Но стоит попытаться проявить свои чувства, и тут же ощутишь, как крепка и незыблема эта невидимая преграда. И как холодно за ее чертой...

«Интересно, – подумала женщина, – спит ли он еще или уже готовится к отъезду?» Впрочем, эти мысли были вызваны единственным нежеланием встретаться с мужем. И хотя она уже успела почувствовать на себе всю разрушительную силу его гнева, то, как поведет он себя сегодня, было для нее загадкой.

«А не все ли равно?»

Ее сердце теперь знало, что такое настоящая любовь, и все, что могло помешать, не имело для нее значения. «Но тебе же понравилось...» – закралась в голову совсем нежеланная мысль. Предательски занывший низ живота... Да. Понравилось. И корить себя за это можно было бесконечно... И память услужливо нарисует нужные картины. Как и все прочее. Как и вся окружающая обстановка. И весь этот дом... Как жаль, что жизнь нельзя прожить заново. Нельзя вычеркнуть те минуты, за которые после приходится испытывать мучительный, сжигающий до самых костей стыд. Как жаль...

Женщина очнулась от своих размышлений и со злостью захлопнула приоткрытое окно. «Прекрати немедленно!»

Спать уже совсем расхотелось, поэтому Алиса, сделав несколько нервных шагов по комнате, развернулась и подошла к большому зеркалу. В его глади она увидела себя и ужаснулась: взлохмаченные, спутанные волосы, покрасневшие глаза и, что самое ужасное, синяки... «Боже, – пронеслось в голове у Алисы, – что он со мной сотворил...» Женщина принялась быстро устранять весь этот беспорядок. Взяв гребень, она, насколько могла аккуратно, расчесала свои каштановые локоны. Борис особенно их любил. Хоть в обществе это и не было принято, но ему нравилось, когда Алиса распускала волосы. С ним она всегда была такой...

естественной. Поэтому в те редкие минуты ей казалось, что на свете не существует больше никого. Только они вдвоем... Не нужно было соблюдать никаких правил: только их чувства имели значение, и Алисе казалось, что ей совершенно все равно, как подумает о них общество. Казалось... Потому что она боялась людей, боялась их мнения, осуждения, хоть и пыталась подавить в себе этот страх. А Борис никогда не боялся. И говорил, что и она не должна. Ведь все второстепенно, а злые языки все равно найдут тему для пересудов. Она соглашалась. Хотя страх все равно жил глубоко в ее душе.

Алиса скинула халат. В зеркале она отражалась во весь рост, поэтому ей не составляло труда разглядеть малейшие изменения, произошедшие с ней. Ее фигура была по-прежнему превосходна. Да, уже не такая по-детски округлая, как в девичестве, но довольно пропорциональная, оформленная, особенно, если принимать во внимание то, что Алиса была теперь матерью. Небольшая изящная грудь, тонкая талия, стройные ноги. Но даже невооруженным глазом на ее нежной коже теперь можно было разглядеть темноватые пятна. К несчастью для Алисы, ее особенность была в том, что даже малейший толчок или неосторожное движение оставляло следы на ее теле. Для этого не надо было делать ничего особенного, что уж говорить о жестких, настойчивых поцелуях или ссадинах... Скрыть это было почти невозможно, поэтому, когда Алиса была с Тилингом, он обращался с ней достаточно осторожно, не допуская того, чтобы на ее коже сохранились хоть какие-то знаки, способные выдать женщину. Но ее супруг о таких мелочах не заботился. Во всяком случае, не прошлой ночью...

Темный флакон на столе. Сладковатый запах майорана. Травянистый, жгучий... Острый пряный вкус... Не самый изысканный напиток, но и к этому можно привыкнуть.

Алиса решила одеться сама и не звать служанку. Незачем. Платье неяркого голубого цвета сидело на ней невероятно хорошо. Но глубокое декольте все равно открывало взору красноватый след прямо на груди. Впрочем, это легко могла исправить шаль. «А вот это уже никак не скроешь...» – подумала Алиса, осторожно касаясь пальцем темного кровоподтека на шее. Она нахмурилась, несколькими быстрыми движениями распушила волосы так, чтобы злосчастное пятнышко не бросалось в глаза, и, оставшись вполне довольной своим внешним видом, решила все же спуститься вниз.

Женщина открыла дверь и прислушалась. Тихо. На удивление тихо. Не слышно привычного позвякивания посуды на кухне, беготни слуг и их негромких разговоров. Дом будто вымер. Алиса, осторожно ступая, прошла по коридору и спустилась вниз по лестнице. Заметила мелькнувшую впереди себя длинную светлую косу и окликнула девушку.

Та попыталась сделать вид, что не расслышала... Но, впрочем, ее имя, произнесенное уже гораздо более нетерпеливо и строго, заставило служанку повернуться. Настороженный взгляд. Она бы предпочла не останавливаться...

– Утро доброе, Алиса Романовна! А что вы так рано? Дела какие неотложные? – нарочито быстро и беззаботно.

– Глаша, скажи мне, Сергей Владимирович у себя? – к ее счастью, Алиса была слишком занята собственными мыслями.

– Нее... – замахала рукой девица, – Уехать изволили. С рассветом. Мы сами все удивились, чего это хозяин так рано. Ну да Бог его знает. Торопился, видать.

«Уехал», – пронеслось в голове Алисы. Значит, не захотел ее видеть. Несмотря на то, что поезд отходил только в обед. Видимо, решил отправиться раньше, чтобы Алиса с утра не застала его. Женщина горько усмехнулась.

– А вообще, странный барин сегодня был, – продолжала тараторить Глаша, – мрачный, уставший какой-то, словно и не ложился вовсе, да неразговорчивый...

При этих словах что-то больно кольнуло Алису. Жалость... Ведь это она довела мужа до такого состояния. Но видит Бог, она того не хотела! Она любила всем сердцем, но меньше всего желала, чтобы об этом кому-то стало известно. В особенности ее супругу. Алиса не знала

точно, но могла все же предположить, что испытывает преданный человек, который, как он считал, делал все для сохранения семьи. Женщина даже забыла о том, что ненавидела его с утра. Теперь она чувствовала только свою вину, тяжелым грузом лежавшую на ее плечах.

За этими мыслями Алиса даже позабыла, с чего все началось. Письмо... Злосчастное письмо, которое муж собственноручно предъявил ей. Но как оно у него оказалось?

– Глаша, – от обманчиво мягкого тона госпожи девушка вся напряглась, – А как ты думаешь, с чего бы ему быть таким?

Девушка отчаянно пыталась не встречаться глазами со взглядом хозяйки, все еще изображая совершенное непонимание.

– Да кто же знает... Ну мало ли... Нету у меня времени о подобном размышлять... Вот и сейчас цветок пересадить нужно. Так я пойду...

– Стой, – Алиса больше не пыталась говорить спокойно. Злость с каждой секундой в ней только возрастала.

«Предательница...»

– Каким образом та записка, что я поручила передать тебе господину Тилингу, оказалась в руках Сергея Владимировича?

Щеки девушки залил румянец, она потупила глаза и молча уставилась в пол. Затем вдруг вскинула голову и разрыдалась.

– Алиса Романовна, простите меня! Не гневайтесь! Виновата я, ой, виновата! Скажите слово любое, только не смотрите так грозно! – она уже хотела бухнуться на колени, когда Алиса, которой порядком надоел весь этот пустой лепет, дернула ее за руку, заставив прекратить реветь и испуганно посмотреть хозяйке в глаза.

– Прекрати! – прошептала зло... – Немедленно рассказывай, что произошло.

Глаша быстро захлопала длинными ресницами и, уже без причитаний, затараторила, по временам все же всхлипывая:

– Когда вы мне записку-то отдали, я ее сразу понесла, куда было велено. Да, видать, поторопилась, сложила плохо, потому что прямо на выходе письмо у меня возьми да выпадет. А я, дура, и не заметила... Да на беду, прости меня, Господи, за такие слова, мимо как раз Сергей Владимирович проходил. Услышала только, когда окликнул. А он записку-то поднял, да и говорит, что, мол, обронила я. И тут у меня ноги будто отнялись. Ни шагу сделать, ни слова вымолвить. Поняла, что конец мне. А он подошел так нетерпеливо, хотел, видать, отдать обратно. Да только записка-то при падении развернулась. Вы же, Алиса Романовна, печати не ставите, а из конверта она возьми да выпадет...

Тут Алиса не выдержала:

– Что ты врешь? Опять свой нос совала, куда не следует? Не могло оно из конверта выпасть никак! Тебе все интерес, а знаешь, что произошло из-за тебя... – Алиса остановилась. Не нужно Глаше было знать о таких подробностях. Желание ударить непутевую девку в ней едва подавлялось голосом разума, вторившего, что это просто глупо и ни к чему не приведет. Сама виновата. Следовало быть осторожнее... Ясно, что Осоргин, скорее всего, застал Глашку за чтением чужого письма, и, конечно же, пресек этот беспредел, а та, вместо того, чтобы сказать, что письмо от какого-нибудь ее ухажера, испугалась и отдала записку. Девчонка почему-то испытывала робость перед хозяином дома и возразить ему не могла. Научил же черт ее грамоте, а любопытства не убавил!

– Уйди с глаз долой! – угрожающе прошипела Алиса, прикрыв глаза, стараясь сдержаться. Глаша не заставила себя упрашивать и исчезла так же быстро, как и появилась.

«За что мне это? – с горечью подумала Алиса, – Наступили тяжелые дни... Господи, прошу, дай мне сил!»

Обстоятельства усложняются

– Я требую немедленно оставить меня в покое и пропустить! Что вы себе позволяете?

– Алиса Романовна, прошу простить меня, но повторю еще раз: это веление вашего мужа, мы здесь ни при чем. Нам было приказано сопровождать вас везде, куда вы пойдете. Никому и в голову не могло прийти ограничивать вашу свободу: все это делается единственно для безопасности.

Алиса была возмущена до глубины души. Приказать следить за ней! Да мыслимо ли подобное?

– Вы забываете, что пока в этом доме хозяйка я. И мои распоряжения вы обязаны исполнять наравне с распоряжениями моего мужа. А потому я приказываю отойти в сторону и заняться тем, чем вам полагается, – в ее голосе был гнев. Она не могла поверить, что ее подвергли подобному унижению.

– Сударыня, – дворецкий все так же терпеливо продолжал настаивать на своем, – вас никто не задерживает: вы можете идти, куда вам будет угодно. Но все же позвольте и мне честно выполнять свои обязанности. Я всего лишь буду сопровождать вас, обеспечивая вашу сохранность и спокойствие.

Алиса побледнела. Какой позор! Даже слуги теперь указывают ей, что делать! «Я пленница в собственном доме...» – пронеслось у нее в голове. Стараясь сдержать подступившие слезы, она развернулась и быстрым шагом направилась к себе. Ногти впивались в ладони, оставляя следы. Алиса кусала губы, скользя взглядом по окружающим предметам. Отчаяние, ярость, злость, унижение... Весь спектр эмоций рождал в ее душе бурю, заставляя сбиваться дыхание. Она буквально влетела к себе в комнату, закрыв за собой дверь, упала на кровать и расплакалась.

Горячие соленые капли стекали по щекам, падая на белую ткань. Она вся дрожала... Пальцы сжимали одеяло, а комната наполнилась звуками сдавленных рыданий. Все напрасно... Больно. Как же больно любить кого-то, не имея возможности быть с этим человеком... Все было против них, и осознание этого заставляло слезы стекать нескончаемыми мокрыми дорожками. И за эту любовь она платила собственной свободой. С ней обошлись как с ребенком, который хочет попробовать то, что ему запрещают родители. А если он все же смог обмануть их и получить желаемое, его наказывают и смотрят, чтобы подобный инцидент не повторился. Да только вот Алиса уже давно не была ребенком, а жизнь кидала ее из стороны в сторону, как пылинку на ветру, и хозяйкой своей судьбы она никогда не была: права на счастье судьба ей не давала. Да и взять его возможным не представлялось: теперь даже выйти из дома без надзора она не могла. Если только...

Алиса перестала рыдать и села на постели. «Ну конечно! Нужно написать ему! Пока еще есть время...» Она вытерла слезы ладонями и подлетела к письменному столу. Дрожащей рукой нашла перо и, окунув в вязкие чернила, принялась писать на пожелтевшей бумаге:

«Борис,

Пишу к тебе в совершенно расстроенных чувствах. Я в отчаянии! Скажу тебе сперва, что супругу моему все стало известно о нас...», – тут она помедлила.

«Нельзя, чтобы Борис узнал о том, что вчера произошло... Это ошибка. Я не должна была...»

Перо снова забегало по бумаге, воплощая мысли женщины в жизнь.

«Прости меня! Это вышло совершенно случайно, я до сих пор в растерянности... Он очень странно отреагировал на сие известие. Я не видела его с самого утра: видимо, решил уехать раньше. Но, Борис, он приказал следить за мной! Я теперь и шагу сделать не могу без того, чтобы за мной не присматривали. Даже это письмо я пишу в страхе. Потому что

прошлое мое послание тебе оказалось в руках у мужа. И хоть теперь его нет в городе, мне все же страшно. Но другого способа известить тебя о произошедшем нет. Скрывать правду о нас более не представляется возможным. Все кончено! Я не знаю, что нам теперь делать... Любовь моя, ты моя единственная надежда! У меня больше нет никого на целом свете. Только ты и сын. Боренька, приезжай за мной, или я здесь умру! Теперь все будет по-другому. Все или ничего... Любовь или смерть... Мы больше не будем прятать наши чувства и я наконец обрету долгожданную свободу... и счастье... счастье быть с тобой», – горькая слеза, пробежав по ее щеке, упала на письмо – «Так сделай меня счастливой или забудь обо всем, как о страшном сне. Другого нам теперь не дано», – она вздохнула и написала дрожащей рукой:

«Любящая тебя Алиса»

Тщательно сложила письмо, осторожно разглаживая бумагу по краям. Опустила в конверт и, подумав, все же запечатала его. Потянулась к стоявшему на столе маленькому колокольчику и позвонила. Глаша вбежала через минуту.

– Звали, госпожа?

– Да, – Алиса устало прикрыла глаза и поманила девицу пальцем. – Возьми. Передашь адъютанту, – продолжила она бесцветным голосом, – Лично. В собственные руки. И упаси тебя Бог письмо где-нибудь обронить.

Глаша испуганно похлопала ресницами, схватила протянутую бумагу и, низко поклонившись, попятилась к двери. Алиса отвернулась к окну. Мысли путались. А была ли вообще хоть когда-нибудь ясность? Кажется, что нет. В последнее время она ничего не могла знать точно. Все выходило совершенно не так, как она предполагала.

– Только бы теперь все получилось... – прошептала совсем уже тихо...

Ход ее мыслей нарушил стук в дверь. Алиса обернулась на звук и нетерпеливо приказала войти. Дверь открылась, и на пороге возникла женщина, намного старше хозяйки дома, с аккуратно уложенными волосами и в строгом платье.

Заходят, как на приеме... Да и что же? Вот он, вес ее мир, – сосредоточен в пределах ее комнаты. Не уйдешь, не сбежишь... Только бы он пришел... Только подождать...

– Алиса Романовна, – произнесла вошедшая серьезным тоном, – не хочу отвлекать вас от важных дел, но Федя желал вас видеть... С утра звал маму и отказывался есть.

До того ли ей теперь... Она не зашла с утра поздороваться с сыном. Занятая своими бедами...

– Агафья, – Алиса подняла глаза на няню и слабо улыбнулась, – скажи ему, чтобы ел и что я скоро подойду. Пусть не переживает понапрасну.

– Пусть так, Алиса Романовна, – Агафья кивнула и добавила:

– Он в последнее время беспокойный. Все время вас спрашивает, изволит капризничать и бывает совершенно непослушным. Может, и не мое это дело, но, кажется, ребенку не хватает родительского внимания. Сергей Владимирович хоть с ним занимался, а теперь-то уехал... Вы уж уделите ему время, а то негоже, чтобы ребенок от еды отказывался.

Агафья всегда говорила прямо обо всем, что считала нужным. В отличие от других слуг, она не боялась указывать хозяевам на то, что по ее мнению было неправильным или требовало внимания. Потому Алиса всегда прислушивалась к ее замечаниям и теперьшний раз убедилась в правильности выбора гувернантки для сына.

– Не волнуйся так. Я тебя услышала, скоро буду.

Агафья поклонилась и тихо вышла. Возвращая напряженную болезнетворную тишину...

Все, что Алиса чувствовала теперь – одиночество. Разрывающее легкие судорожными всхлипами... Она никогда еще так остро не ощущала свою беспомощность...

Не смогла бы признаться самой себе... Никогда... Даже это ожидание стало для нее мучительным. Даже эта любовь... Она не приносила спокойствия. Только бы все кончилось! Уже не важно как... Быть может, она предпочла бы теперь, чтобы ей просто запретили...

Она была измучена.

Все новые и новые мысли о том, как несправедливо, неправильно складывалась теперь ее жизнь, заставляли вздрагивать. Слез не хватало. Горе тихое. Уже совсем беззвучное...

«Федя... – подумала женщина, – Что будет с ним, когда я уйду? Как будет он расти без меня? Нет, Сергей не позволит ему покинуть дом. Он ни за что не отпустит его... Как сможет сын вырасти без матери?» – эта мысль острой болью отозвалась в сердце. «Я не могу иначе... Пять долгих лет я жила не своей жизнью. Хватит... Навсегда забуду о том, что такое одиночество и слезы. А все прошлое пусть в нем и останется...»

Потерянность

«Алиса,

Я... Я не знаю, что сказать тебе... Это так неожиданно. Я думал, что у нас еще есть время. Любимая, мне также не хватает тебя, и моя душа стремится к тебе. Но то, о чем ты пишешь, невозможно сейчас.

Во-первых, я теперь не в Петербурге. Дела вынудили меня уехать. Это временно, но увидеться с тобой теперь не представляется возможным. Алиса, я прошу меня простить... Я очень люблю тебя и всем сердцем желаю быть рядом. Но как представляешь ты себе ту жизнь, о которой пишешь? Один шаг, и ничто уже не сможет быть прежним... От тебя отвернется общество, и свет будет навсегда закрыт для нас. А твой сын? Пойми: тебе придется его оставить. Не думаю, что моего влияния хватит для того, чтобы забрать его от твоего супруга. Ты готова пойти на это?

Алиса, хорошо подумай. Стоит ли оно того? Рушить все для того, чтобы идти в неизвестность? Нет... Это неразумно, необдуманно. Только не теперь, Алиса. Когда я вернусь, мы сможем что-нибудь предпринять. Но я хочу предостеречь тебя от опрометчивых поступков.

Твой Борис»

Алиса опустила дрожащую руку, в которой держала письмо. Взгляд ее был отсутствующим, лицо бледным. «*Стоит ли оно того... Невозможно сейчас... Нет... неразумно... необдуманно...*» – вставало перед глазами. «Пустая блажь... опрометчивый поступок...» – она смотрела в одну точку, только губами шепча несвязные фразы. «Он... оставил меня... Борис! Оставил... бросил... уехал...», – она, пошатываясь, сделала пару нетвердых шагов. В ее глазах не было слез – только обескураженность, незащитность... потерянность. «Оставил меня здесь. Одну... Беспомощную, ненужную... И уехал. По делам», – Алиса болезненно улыбнулась. «По делам! Наверное, что-то жизненно важное... А я и не знала...» – растерянно сжала в ладони бархатную ткань платья – «Что ж... Я приму ваш совет, господин адъютант. Стоит избегать необдуманных решений...»

Она подошла к столу, зажгла стоявшую на нем свечу и только собралась предать тайну горьких слов пламени, как дверь открылась со скрипом. В комнату вошел Сергей Осоргин. Повернула голову на звук... Она почему-то даже не удивилась, чего нельзя было сказать о ее супруге, заставшем жену в подобном состоянии за весьма странным занятием. Впрочем, лицо его теперь выражало скорее беспокойство и озабоченность. Алиса была бледна, покрасневшие от слез глаза совместно со странным, отсутствующим выражением и совершенно безэмоциональной улыбкой, которой она одарила мужа, – все это внушало ужас и создавало уверенность в том, что женщина находилась в крайне опасном состоянии.

– А, это вы, Сергей Владимирович... Прошу меня простить: не заметила вашего приезда, не встретила... – она смотрела на колышущееся пламя свечи, плавно водя рукой над фитилем.

– Алиса... – Осоргин произнес это скорее вопросительно, надеясь понять по ее реакции, как вести себя с ней далее. Все его мысли по поводу разговора с женой отошли на второй план.

Да, он собирался поговорить с ней о том, что так более продолжаться не может и что им необходимо принять решение касаясь их дальнейших отношений. Все эти дни, что он отсутствовал, мужчина не мог найти себе места. Множество чувств, эмоций, переживаний... Все это обрушилось на него в один день. Измена! Такой расклад событий не мог прийти ему даже в страшном сне. Догадываться, предполагать... Получить подтверждение своим догадкам – совершенно иное. А потому и рассуждать логически, и делать выводы представлялось чем-то невероятным. Но решить что-то было необходимо. Только не здесь... Не там, где она... Не рядом с ней. Куда угодно, но подальше от дома! Видимо, Бог действительно уже давно раскинул карты человеческих судеб и знал исходы всех возможных партий, потому что именно

в эти дни Сергею Владимировичу выпала необходимость покинуть город по делам службы, что при подобных обстоятельствах было как нельзя кстати.

Три дня, проведенных вдали от дома, пошли ему на пользу, помогли собрать в единое целое разрозненные мысли и обрисовать возможную картину дальнейших действий. Мысли... Мысли о том, чтобы принудить жену прекратить эту грязную, порочную связь и под страхом смерти заставить думать о доме, а не о чем-либо еще или отправить ее ко всем чертям саму строить свою жизнь, запретив предварительно видеться с сыном, а после забыть обо всем, как о страшном сне, как бы тяжело это не далось...

Но покоя ему не давало и то, как он поступил с Алисой, узнав обо всем... Да, вспыльчивость ему не была свойственна, но что на него вдруг нашло? Желание утвердить свою власть, дать жене понять, что в ее жизни он единственный мужчина? Наказать ее? Что ж... Утвердил. Понять дал. И это хоть сколь-нибудь помогло? Бред...

Хотя, возможно, это была наиболее приемлемая реакция после того, как Осоргин усилием воли подавил в себе желание воплотить первую пришедшую в голову мысль, а именно приложить дуру головой о что-нибудь твердое.

Да, сломать руку ей, наверное, было бы целесообразнее, чем заниматься с ней любовью, если это теперь вообще можно было так назвать. Ведь, как она выразилась, ему это чувство было несвойственно. Что ж... Со сломанной рукой встречаться с любовником было бы действительно проблематичнее.

Он не мог понять одного: почему? Почему она пошла на это? Что он делал не так? Кажется, он дал ей все, что только можно. Жертвуя здоровьем, личным временем и своими интересами для того, чтобы Алиса была счастлива. И больше всего было оттого, что это была не его дальняя родственница, знакомая, коллега или кто бы то ни было еще, а жена... Любимый человек... Если на всей земле и был кто-то, кроме него самого, кому Сергей Владимирович мог доверять, то только ей. Привыкшему всегда и во всем полагаться на себя Осоргину было удивительно, что, прожив, наверное, большую часть своей жизни, он нашел кого-то, кто мог понять его и просто-напросто ждать его возвращения домой. У них был ребенок... Ребенок, который, как он считал, был результатом чувства, а не простой необходимости обзавестись потомством. Он вспомнил, как с волнением ждал появления Феди на свет, как присутствовал при родах, несмотря на принятое в обществе мнение, что это недопустимо и мужчина должен быть где угодно, но только не рядом со страдающей женщиной, как Алиса тогда сжимала его ладонь и просила только, чтобы он остался, как впервые взял сына на руки... Куда все это делось? Почему его предал самый близкий ему человек?

После той гневной речи, что ему пришлось услышать и узнать, что, оказывается, он делал неправильно совершенно все, подобные рассуждения не выглядели столь уж неверными. Во всяком случае, какое бы решение он не принял, но объясниться с Алисой и понять, что им предстоит теперь, было необходимо.

Но увидел ее глаза, эту нервную, вымученную улыбку... И вместе с тем бесконечное отчаяние. Она как будто разом постарела на много лет. Огонь в глазах потух, и осталась только безысходность... Это было страшно. Поистине страшно. Когда не знаешь, чего ожидать от близкого тебе человека, когда не можешь предсказать его поведение – это пугает, вызывает ступор. Сергей Владимирович с опасением и жалостью смотрел на свою болезненную жену, не решаясь сделать что-либо, не зная, к каким последствиям приведет то или иное его действие.

Внимание Осоргина привлекло письмо, которое Алиса до сих пор держала в руке. Женщина поймала его взгляд и тем же неживым голосом произнесла:

– Кстати, это письмо от господина Тилинга. Хотите прочесть?

– Благодарю, но читать чужие письма не в моих правилах, – он посмотрел на нее, встречаясь взглядом с ее затуманенным взором. – Если они, конечно, напрямую не касаются меня или моей семьи.

– А я думала иначе... – Алиса провела развернутым листком над подрагивающим пламенем свечи. – Что ж, тогда позвольте поинтересоваться: зачем вы пришли? Кажется, все, что было возможно, вы мне уже высказали в прошлый раз. А что не успели сказать, объяснили иным способом... В любом случае, вы можете быть спокойны за свое доброе имя и безупречную репутацию. Все кончено. Я остаюсь вашей женой, продолжаю выказывать свою любовь и уважение, соблюдать приличия и вести одобряемую светом и обществом жизнь. Господин адъютант мне очень это рекомендовал, – она посмотрела вокруг невидящим взглядом, затем вдруг прикрыла глаза. Улыбка ушла с ее лица, и она продолжила, но уже без тени иронии:

– А впрочем, можете выгнать меня вон, забрать свою фамилию и все, что вам принадлежит: мне совершенно все равно. Я вас ненавижу...

Сергей Владимирович молча слушал эту тихую истерику. Решить, что все, сказанное супругой, он принимал близко к сердцу, было бы неправдой, потому что он, хоть и понимал, что Алиса переходит все мыслимые границы, все же видел: отчета в своих действиях она себе не отдает.

Никогда не смог предположить, что ему придется вести подобный разговор. Таким образом... То, что было между ними, уходило, словно песок сквозь пальцы.

И все же это не было удивительно. Закрывая глаза на ошибки, пробелы, на то, что может изменить, сломать привычный ход событий, все же в конце концов сталкиваешься с тем, чего так долго пытался не замечать. Но уже в совершенно иных масштабах. Остальное – лишь вопрос времени.

– Послушай меня, Алиса. Я... Я приношу свои извинения за то, что произошло между нами... Подобное поведение с моей стороны было недопустимо... – она видела, что эти слова даются ему с трудом. – Мне жаль, что все вышло именно таким образом. Не в моей власти заставить тебя любить кого-то... И, видя твои страдания, я искренне сочувствую тебе. Если мнение человека, который был дорог твоему сердцу, все же оказалось схожим с моим, и он дал тебе совет не сходить с ума и хотя бы немного подумать о последствиях такого шага, то я не могу назвать его глупцом. Потому что, несмотря ни на что, этот человек был прав, говоря подобное.

Как смешно, наверное, звучали такие слова с его стороны, в его положении, при сложившихся обстоятельствах... Но это не имело значения теперь. Ей было плохо. И с этим нужно было что-то делать.

Алиса подняла голову, с удивлением глядя на мужа. Кажется, в первый раз за время разговора абсолютная отрешенность ушла из ее взгляда, уступив место слабому интересу.

– Пойми же наконец, что тайно встречаться с замужней женщиной и жить с ней открыто – две совершенно разные вещи. И если первое не влечет за собой ничего более неприятного, чем возможное прекращение отношений ее с ее супругом при условии, что она будет совершенно неумело скрывать свою связь, то второе – вызов. Откровенное безрассудство. Я одного не могу понять: как ты себе это представляла? Не думаю, что мнение общества играет для тебя последнюю роль. В любом случае, осознание этого пришло бы. Но потом, когда вернуть уже ничего было бы нельзя... – Он прервал свой монолог, плотнее закрывая дверь, обходя Алису, затем, отвернув голову и нервно пожав плечами, продолжил:

– Я отлично понимаю господина адъютанта. Кажется, он сейчас занят устройством своей карьеры. Лишние заботы и проблемы ему совершенно ни к чему. А то, на что, смею предположить, рассчитывали вы, было бы ему только в тягость и с продвижением по службе точно не вязалось. Его поведение понятно. – Он тяжело вздохнул и заложил руки за спину. – На развод вы можете не рассчитывать. Мне это не нужно. Продолжайте вести себя, как ни в чем не бывало, во всяком случае так, чтобы никто из посторонних не заметил перемен. Пока вы упорно пытались похоронить репутацию семьи, лично я делал все возможное для того, чтобы

этого не произошло. А потому теперь ваш черед включиться в работу. Остальное на вашей совести.

Алиса растерянно смотрела на мужа, пытаясь до конца осознать весь смысл сказанного им. Забывшись, женщина поднесла руку слишком близко к желтоватому пламени свечи и в следующий момент жалобно вскрикнула, отдернув ладонь. На запястье остался багровый след, а боль нещадно жгла кожу в месте, где рука соприкоснулась с огнем. Алиса бессильно закрыла глаза, и слеза выкатилась из-под ее длинных ресниц. Не в силах более сдерживать раздражающее душу отчаяние, она заплакала, закрыв лицо руками.

Осоргин, решительно настроенный разобраться со всем беспределом, учиненным неблагодарной супругой, все же не мог спокойно смотреть на слезы близкого и, как то ни было печально, любимого им человека. Алиса была очень чувствительной, но при нем старалась ничем не выдавать своих душевных терзаний, а потому застать ее расстроенной, а тем более горько плачущей Сергей Владимирович мог крайне редко. Несколькими шагами он пересек комнату, приблизившись к жене, взял ее за руку и уверенно притянул к себе. Он обнял ее за подрагивающие от беззвучных рыданий плечи и, осторожно поймав ее обожженную ладонь, накрыл ее своей рукой, легко поглаживая.

– Боже, за что мне все это? – прошептала женщина, уткнувшись лицом в его плечо.

– Алиса... – голос Осоргина был спокоен и мягок, – ты сейчас страдаешь от проблемы, которую сама же себе создала для того, чтобы потом ее мужественно решить. Ну зачем ты это делаешь? Возьму на себя смелость предположить, что Бог здесь все же ни при чем. В любом случае, у него нет других рук, кроме наших. Ошибок было совершенно достаточно: вовсе нет смысла делать их еще больше, – говоря ей это, Сергей Владимирович тем временем осторожно взял из ее рук злосчастное письмо, которое Алиса отдала, даже не сопротивляясь, и поднес его к наполовину сгоревшей свече. Бумага тут же ярко вспыхнула, и Осоргин опустил ее тлеть в свечную подставку. Огонь быстро и с жадным потрескиванием поглощал аккуратно выведенные чернилами слова, строки, абзацы, историю...

«Ну и что с этим теперь делать?» – подумал он, смотря, как тлеют остатки письма. Может, не поздно еще попытаться предпринять что-нибудь для сохранения между ними нормальных, человеческих отношений? Все-таки жизнь, наверное, свела их вместе не просто так...

– Сергей Владимирович... – впервые за все время их диалога Алиса обратилась к нему по имени, – я хочу уехать отсюда! Этот дом... – она никак не могла успокоить прерывающийся голос. Осоргин ласково погладил ее по волосам. – Он давит на меня! Это... это невыносимо! – она вздохнула, пытаясь сдержать слезы. – Я хочу все забыть... Все, что я сделала... Я так больше не могу!

– Хорошо, – он взял ее руку в свою, смотря в ее голубые, влажные от слез глаза, успокаивающе шепча, – не бойся. Мы уедем отсюда... Ты нездорова... Тебе нужно восстановиться. Постарайся сейчас отдохнуть, а завтра мы уедем... – Он отвернул голову, задумчиво глядя в окно на стремительно погружавшееся во мрак наступающей ночи небо. – У всех бывают трудные дни...

Ночь

Алиса спала плохо. Тревожно... Беспокойно... Возможно, дело было в тусклом свете заглядывающей в окно луны, а, может быть, о себе дали знать сильное эмоциональное потрясение и переживания последних дней.

Ей снилась темнота. То ли без единого окна и просвета комната, то ли просто неведомое, неопишное нечто, у которого не было границ. Идти вперед впотьмах. Силась разглядеть хоть что-нибудь перед собой. Холодно... Почему здесь так холодно? И так темно...

Внезапно возникший луч осветил неподвижно стоящего человека. Откуда этот свет? Белый, искусственный... В нем не играли пылинки. Он был недвижим. Мертв... Но в этом луче отчетливо выделялась одинокая фигура. «Кто бы это мог быть?» Алиса поспешила вперед, силась разглядеть кого-то впереди нее.

«Борис!»

Сознание обожгло неожиданное открытие. Это действительно был адъютант. В холодном белом свете он смотрелся невероятно хорошо. Какая-то застывшая, гордая красота и стать были сейчас в нем. Такой, каким Алиса увидела его в первый раз. И запомнила на всю жизнь... Темные волосы, тонкая линия усов над верхней губой, белый сияющий фрак и эти пронзительные, чистые, голубые глаза. Алиса, пытаясь не оступиться, устремилась к нему навстречу. «Нет! Этого не может быть! Я сплю... Борис!» Ее душа ликовала, радостный трепет охватил все ее существо. Он здесь! Рядом с ней! Наконец-то!

– Борис! Родной! – она подбежала к нему, обняла и отчаянно прижалась к его груди. Адъютант не шелохнулся. Алиса подняла голову и взглянула в его глаза. Он даже не посмотрел на нее. Взгляд мужчины был направлен куда-то в сторону. Равнодушный... Безучастный...

– Что с тобой? Ты не рад меня видеть? Знал бы ты, как тяжело мне было без тебя! То, что ты сказал... Ведь это все неправда, да? Ты здесь, со мной! Нас теперь ничто не сможет разлучить! Господи, как же мне тебя не хватало...

Она ищуще заглядывала в его лицо, надеясь увидеть в нем хоть какой-то интерес, хоть что-нибудь... Неожиданно молодой человек повернул голову. Посмотрел на нее. И от этого взгляда Алисе стало не по себе. Холод. Снова холод... словно бы осколки льда застыли в красивых голубых глазах.

Алиса почувствовала, как ладонь Тилинга легла на ее талию. Другой рукой сжал ее тонкие пальцы. Танец? Да, кажется, они находятся в бальном зале. Только почему она не видит стен? И не слышит музыки... Просто темно-серый пол, который едва можно было разглядеть в непонятно откуда возникшем узком луче света, открывавшем взору единственную пару на этом странном празднике... Знакомые движения успокоили Алису. Он танцует с ней так, как и всегда. То, что она любила... Алиса находила особый интерес в балах. В захватывающем кружении, соприкосновении рук, в пылающем взгляде появлялась какая-то особая связь, которую нельзя было никак объяснить, лишь почувствовать. И теперь...

Но все же что-то было не так. Привычные движения казались какими-то неестественными. словно этот танец они исполняли уже в сотый раз... Молодой человек смотрел на нее, но почему-то Алисе хотелось отвести глаза. Ей было странно, неудобно... не по себе. Казалось, это был не ее Борис, а кто-то чужой, незнакомый. Небольшое расстояние между ними не позволяло прижаться, почувствовать тепло тела. словно непреодолимая преграда, пропасть... Его руки не были нежны. Он вел ее так, будто это была какая-то необходимость, словно жизнь продолжалась бы только до того момента, пока они кружатся по этому холодному темному полу...

Алиса тревожно обернулась. Никого вокруг. Зловещая, пронизывающая тишина. Она будто бы чувствовала ее всей кожей. Что происходит? Движения адъютанта стали резче, быстрее. Алиса едва успевала за ним. Одной рукой она придерживала подол прекрасного черного

платья, удивительно мерцавшего в темноте множеством маленьких драгоценных камушков. Невероятно красивое. Невероятно элегантное. Невероятно дорогое... И оно просто удивительно шло ее хрупкой фигуре. Подарок мужа... Почему-то только сейчас Алисе стало совершенно непонятно, каким образом даже в таких незначительных деталях он незримо был рядом. И почему даже тогда, когда в целом мире не должно было быть никого, кроме нее и ее возлюбленного? Это показалось ей крайне нелепым, неуместным... Как же она не обращала на это внимания раньше? Все было не так... Нет, это был не ее Борис! Какой-то другой, чужой, далекий человек...

Странные звуки, прорезавшие густую темноту... Внезапно. Обернувшись, Алиса с ужасом увидела, как из тьмы на нее смотрят... глаза. Алые горящие точки, которым с трудом можно было бы дать подобное определение. Через пленку, похожую скорее на то, что остается от потрохов, проглядывали белесые мутные зрачки.

Взгляды словно бы прожигали ее насквозь. И омерзительный, пробирающий до костей шепот. Запах гнили... Она не понимала ни слова, но от этих тихих, хрипловатых, высоких голосов кровь стыла в жилах.

Резкий поворот. Алиса прижалась ближе к Тилингу, с ужасом смотря в его равнодушные глаза. Он перехватил ее руку, прижал ближе, а затем... просто отпустил. Омерзительные, покрытые сероватыми нарывами обрубки, похожие, скорее, на лапки каких-то насекомых, потянулись навстречу. К ней...

«Нет!»

Хватая за платье, касаясь нежной кожи.

– Не надо! Нет! Ну пожалуйста! – сорвавшимся от безумного страха голосом. Скорее хрип...

Алиса отчаянно закричала, но поток света, окружавший ее и адъютанта, рассеялся во мраке так же неожиданно, как и возник. Черты адъютанта медленно растворялись во тьме, отдаляясь от нее. И только его лицо оставалось таким же бесчувственным, безучастным...

Голоса были повсюду. Женщина сходила с ума. Ей казалось, что она слышит их у себя в голове, чувствует отвратительные прикосновения грязных конечностей везде. Они царапали ее, сдирали кожу. Что-то омерзительно липкое. Разъедающее... Густой, беспросветный мрак. Отчаянный крик, безраздельный ужас... Алиса в страхе пыталась вырваться, бежать, но неестественные в своей тошнотворной отвратности существа словно были везде, повсюду, куда бы она ни повернулась. Горящие глаза, облепленные струпьями руки, ледящий душу детский смех... Они швыряли ее и, казалось, желали просто разорвать на части. Женщина закрыла лицо руками, задыхаясь от собственного крика и бесконечного страха. Оступилась... Не удержала равновесие и упала... В чьи-то теплые руки. Почти что теряя сознание, захлебываясь слезами и дрожа от пережитого ужаса, Алиса все же ощутила, как кто-то осторожно сжал ее в своих объятиях. И вдруг поняла, что кошмар для нее кончился. Осталось только это теплое, уверенное, спокойное объятие и чувство защищенности. Ощутила такое знакомое и ласковое прикосновение чьей-то руки на виске... и поняла, что уже не спит.

В свете полной луны она увидела обеспокоенное лицо склонившегося над ней мужа. Женщина часто дышала, ее щеки были влажными от слез. В волнении она чуть приоткрыла рот... Сергей Владимирович аккуратно провел ладонью по ее лбу, убирая с него растрепавшиеся в беспокойном сне пряди волос.

В следующий момент Алиса приподнялась и отчаянно прижалась своими губами к губам мужа. Он, видимо, оторопев, не ответил. Вряд ли она понимала, что делает... Но как теперь ей нужно было тепло! Успокоение... Хоть что-нибудь... Алиса, дыша лихорадочно и часто, наклонила голову, едва касаясь кончиком носа его лица, зажмурилась и углубила поцелуй. Почувствовала, как он подался ей навстречу, ощутила его прерывистое дыхание. Так прекрасно, горячо, самозабвенно... необходимо... Пробивавшееся сквозь занавеску тусклое лун-

ное сияние осветило два слившихся силуэта. Алиса, не прерываясь, поднесла руку к его щеке, проводя по ней пальцами, чувствуя, как он осторожно покусывает ее губы, и продолжила... страстно, отдаваясь этому головокружительному порыву после пережитого кошмара. Сергей Владимирович, прикрыв глаза, прильнул к ее полуоткрытому рту губами, мягко лаская ее языком. Алиса тихо застонала, отзываясь на его теплые, чувственные прикосновения, ощущая, как он проникает глубже, слегка отклонила голову назад. Ей не хватало дыхания, но она не хотела прекращать... не могла оторваться от него... Осоргин отстранился первым, мягко пресекая ее попытки найти его губы, слегка надавливая рукой на ее живот и заставляя лечь. Алиса послушно выполнила его желание, не отрываясь, смотря на мужа. В темноте ее глаза удивительно блестели.

– Отдыхай, Алиса, – он осторожно поцеловал ее, слегка разочарованную, удивленную, в лоб, и женщина уже не увидела, как Сергей Владимирович тихо вышел из комнаты, потому что усталость наконец взяла свое. Она провалилась в глубокий, ровный, спокойный сон...

Воспоминания

Весна. Прекрасное время, полное мечтаний и надежд. Природа приходит в себя после нескольких месяцев жестоких холодов и безжизненной пустоты. Мир словно бы воскресает, подобно Фениксу, являя свою красоту, как какое-то чудо: на кажущихся мертвыми сухих черных ветках неожиданно распускаются нежные листочки, застывший воздух наполняется смелым щебетанием птиц, живыми звуками. Оцепенение, длившееся три долгих месяца, постепенно спадает, давая волю всему, что хочет увидеть свет и начать дышать...

Алиса Подольская смотрела на всю эту красоту, сидя на широком деревянном подоконнике, держа в руках книгу. Как жаль, что пока еще нельзя выходить: слишком холодно, а у нее, как назло, совсем недавно прошел кашель. Только и остается, что наблюдать за бегущими по садовым дорожкам ледяными ручьями, да смотреть на колышущиеся под легким ветром ожившие темные ветки. Взгляд скользил по мелко напечатанным строкам, не оставляя читательнице времени вникнуть в их смысл. Алиса неожиданно открыла для себя, что уже несколько минут перечитывает одну и ту же страницу. Мысли норовили унести юную леди куда-нибудь подальше от мирской суеты. Она любила читать романы. Как бы это ни было просто, но ей нравилось все то же, что и любой девушке ее возраста: мечтать. О будущем, о браке... ну и, конечно же, о любви. Любовь... Сколько было для нее в этом слове волнительного, пленяющего душу, неизведанного... Она ждала этого, кажется, сколько помнила себя, но почему-то сама не знала, отчего ожидание этой любви вдруг стало неотъемлемой частью ее жизни. Какая-то половина ее неосознанно хотела узнать это чувство, какая-то пугалась: а что будет потом? Что ждет Алису, когда она станет женой, когда у нее, возможно, будут дети... Этого она почему-то страшилась более всего. Наверное, потому что сама все же еще была ребенком. Если уже не внешне, – все-таки Алиса теперь была скорее молодой девушкой, нежели девочкой – то внутри она была неопытна, наивна и склонна к чрезмерному витанию в облаках.

Что такое отношения? Признания, смущенный шепот, будто бы случайные прикосновения, взгляды... Она видела романтику во всем, что, наверное, было неплохо для девушки ее возраста. Безраздельное посвящение себя друг другу, счастье от возможности просто побыть вместе, далеко идущие планы и идеи... Она не сомневалась, что встретит человека, способного принять ее такой, какой она была, понять ее и во всем разделить ее взгляды. А так же любить. Любить безгранично и преданно, посвящая всего себя их любви. А как же могло быть иначе?

В своих мечтах она даже видела его. Красивый молодой человек. Высокий, стройный... С большими, немного наивными, голубыми глазами. Как у нее... Алиса провела кончиками пальцев по волнительно вздымающейся груди. «И он обязательно поймет, что я та, кого он искал всю свою жизнь...» По-детски милая улыбка тронула ее губы, а на щеках появился румянец.

Мечтания Алисы оборвал высокий женский голос:

– Алиса! Где ты пропадаешь? Собирайся, вечером бал у Довголевских. Давай, Алиса, а то ты еще даже не примеряла платье!

«Ах, точно! Сегодня же бал! Надо быть неотразимой! Думаю, то светло-розовое платье будет смотреться просто восхитительно», – она свесила ноги с подоконника и, отложив в сторону так и не прочитанную книгу, легко спрыгнула с него, поспешив к ожидавшей ее Екатерине Сергеевне.

Предположения не оправдались. Вовсе. Тогда Алиса еще не знала, чем обернется для нее тот бал, и что конец ее волшебным представлением мадам Истрицкая положит буквально через месяц.

– Алиса! – без стука вошедшая в комнату женщина пребывала в странном оживлении. – Могу поздравить тебя: ты выходишь замуж! Сергей Владимирович Осоргин сделал предложение. Через три недели свадьба. Все-таки чтобы мужчину заставить пойти под венец, женское влияние просто необходимо! Ничего они без должного давления не делают... Кажется, девицы свою свободу ценят не столь сильно, сколько они. Ну да Бог с ним. Готовься, моя милая! – Екатерина Сергеевна потерла руки с таким видом, словно только что заключила крайне выгодную сделку и продала какой-то не слишком дорогой товар весьма удачно.

Девушка не могла вымолвить ни слова. Потрясенная до глубины души... «Предложение?! Мне?» – Алиса дышала часто, едва приоткрыв рот. Взгляд ее метался от одного предмета к другому, ни на чем не сосредотачиваясь. Словно гром среди ясного неба... «Я выхожу замуж... Я выхожу... замуж...» она уже не слышала, что еще воодушевленно говорила Екатерина Сергеевна. Все ее мысли были теперь заняты столь неожиданно пришедшей новостью. И тут только до нее дошел весь смысл сказанного. «Замуж за Сергея Владимировича Осоргина...» От волнения ей чуть не сделалось дурно. Благо ее покровительница оказалась рядом, вовремя успев подхватить Алису под руку.

– Ну, ну, милая! Довольно терять сознание! Хотя не могу не согласиться: последний раз твой обморок был весьма кстати – она усмехнулась, усаживая девушку на кровать. – Но сейчас не надо, – она быстро подошла к столику, взяла хрустальный графин, налила полный стакан воды и подала пытающейся прийти в себя от потрясения воспитаннице.

– Приводи себя в порядок и спускайся: надо будет обсудить с тобой кое-какие детали предстоящего мероприятия. Ох уж эти мне юные девицы! Столько с вами хлопот...

Женщина вышла из комнаты, оставив Алису в полном смятении.

– Да как же это... Так скоро... И, – она в растерянности сжала свою прелестную головку ладонями, – за Осоргина...

Нет. Это было невозможно! Невозможно... Совсем не так она представляла себе свое будущее. Совсем. Того, за кого ее отдавали, она едва знала. Видела все пару раз: на балу, да несколькими месяцами ранее, причем совершенно случайно, когда с Екатериной Сергеевной покидала дом ее давней подруги, на улице. Шел снег, и Алисе едва удалось разглядеть человека в черном пальто, уверенно идущего куда-то мимо нее. Мужчина на несколько секунд остановился возле них, чтобы поздороваться, и поспешил дальше. На девушку взглянул мельком, быстро кивнув ей в знак почтения. Алиса смущенно опустила глаза. Тогда он проявил к ней совершенно мимолетный интерес. Такой, какой проявляет любой, кто вынужден ответить на вопрос о том, где находится тот или иной дом или улица. Но оказалось, что мадам Истрицкая была хорошо осведомлена о том, кем был этот, с точки зрения Алисы, незнакомец.

– Из министерства. Занимает высокое положение и со временем только улучшает его. Не женат, что особо примечательно...

Впрочем, Алиса тогда не обратила ровно никакого внимания на слова приемной матери. Ей было не до того... Да и как может заинтересовать юную шестнадцатилетнюю девушку мужчина, который, судя по всему, был более, чем вдвое старше нее? Знала бы она тогда, какую неожиданность преподнесет ей судьба...

Сергей Владимирович был человеком, которого уж точно никак нельзя было назвать делом мечтаний Алисы Подольской. А скорее, полная противоположность ее представлений об идеальном мужчине. Он не был стар, но уже давно перешагнул тот порог, когда юные предстатели сильного пола только начинают строить свою карьеру и заявлять миру о своей значимости. Хотя для Алисы его возраст был таким, в котором, по ее мнению, уже пора задумываться скорее о составлении завещания, чем о женитьбе. Темные волосы, тронутые сединой, средний рост, едва заметные, но все же различимые морщинки на лбу. И серые, как предгрозовое небо, глаза... В любой другой ситуации она не обратила бы на него особого внимания. Ничего, что Алиса могла бы счесть красивым, в нем не было, но и ничего плохого сказать о нем

девушка бы также не смогла. Теперь же, при подобных обстоятельствах, Сергей Осоргин стал для Алисы воплощением кошмара. Стоило только представить, что с ним она, вероятно, проведет весь остаток своей жизни, не имея возможности изменить свой выбор, как по ее спине пробегали мурашки. Наверное, это был именно тот страшный сон, от которого девушка с криком просыпалась по ночам, а потом лежала в постели, не в силах заснуть, вся во власти ужасных, горестных мыслей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.